

К и р и л л К о б р и н

NEWS OF THE WORLD И WORLD OF THE NEWS

Нам пишут из Янины...

А. Дюма. Граф Монте-Кристо

В последние годы мы наблюдаем процесс исторического значения, сравнимый разве что с появлением часов на городских ратушах в Западной Европе осени Средневековья. Речь идет о трансформации того феномена, который мы называем «новостями», news.

Еще относительно недавно (исторически недавно) никаких новостей не было. Точнее, не было жанра «новостей»¹, не было «мира новостей», собственно, не было мира, нуждающегося в «новостях». Сами новости, конечно, возникали и циркулировали; в основном, это были события местного, коммунального характера — рождения, смерти, свадьбы, стычки, засуха в соседней области. Изредка доходили известия и большего масштаба — их принесил графский герольд на загнанной лошади, посеревший от пыли паломник, земляк, вернувшийся с войны. Иногда эти новости вызывали реакцию — и крестьянин поджигал господский амбар, ремесленник вооружался алебардой и бежал к ратушной площади, священник прибывал к дверям церкви свою инвективу, а рыцарь отправлялся куда-то за море, чуть ли не во владения пресвитера Иоанна. Но в целом новостями никто особенно не интересовался, и не удивительно: они были частью бытового циклического времени, что же до линейного христианского, то там все новости либо уже произошли, либо давно предсказаны. (Впрочем, тревожные ожидания Второго Пришествия и последующего конца света все же придавали некоторым известиям, особенно из далеких земель, истинную актуальность.) Да, время, казалось, навсегда нарезанное на ровные кусочки сельскохозяйственным циклом и звоном церковных колоколов, не предполагало в любых событиях, кроме событий Священной Истории, особой ценности. Жителю Херефордшира не пришлось бы в голову интересоваться подробностями землетрясения в Китае или перипетиями интриг при дворе персидского шаха.

Впрочем, следует оговориться — именно в европейские Средние века появилось нечто, отдаленно напоминающее жанр «новостей»: хроники (летописи), которые велись в монастырях. Погодные записи хроник несколь-

1 Большинство теоретических пособий по пиару наотрез отказываются дать строгое определение «новости», что неудивительно, если вспомнить как о совершенно нелюбимом предмете пиара, так и об осторожности, которой требует необходимость не быть в этих учебниках слишком циничными. Тем более сложно дать определение «новости» человеку, постороннему этой сфере. Поэтому ограничусь лишь слабым наброском определения «новости» как жанра: «Сюжетный прозаический текст, повествующий о только что произошедшем значимом событии. Такие тексты создаются для недолгого, если не одноразового, использования; основные их характеристики — краткость, синтаксическая и грамматическая простота. Сюжет новости строится по нисходящей; каждый следующий абзац менее значим, нежели предыдущий. Новости пишутся с использованием специальной лексики, которая должна быть понятна максимальной части потенциальной аудитории».

ко напоминают сегодняшние «горячие новости» — те же политические кризисы, сражения, мирные переговоры, смерти властителей, природные катаклизмы. И еще одно обстоятельство. В средневековых хрониках мы наблюдаем ту же избирательность, тот же регионализм, не говоря уже о политической ангажированности. И все-таки, при кажущемся сходстве продукции монастырского хроникера и сегодняшнего новостника, сами их жанровые стратегии были разными. «Хроники» должны были сохранить в памяти знаменательные события, они заранее создавали ретроспективную модель мира, «новости» имеют дело с настоящим, а не с прошедшим и будущим временами. Более того, они создаются для скорого забвения.

Настоящая «история новостей» начинается с Нового времени. Обесценивание «священного времени», его секуляризация, постепенное вытягивание бытового циклического секуляризованного времени в линейный вектор, рост городской экономики, усиление буржуа, укрепление государства — и, конечно, «открытие мира» Западом — создали условия для появления «новостей». Вскоре появились и первые их носители — газеты. Любопытно, что печатные (вкуче с рукописными) новости появились чуть раньше газет; более того, они стали их предтечей. Например, в Англии в царствование Карла I были в ходу так называемые «новостные письма», «новостные рассылки» (*news letters*), в которых печатались известия и сплетни, собранные в лондонских тавернах и кофейных домах. Иногда они содержали и чистые листы, куда — по мере распространения таких писем по стране — жители провинции вписывали краткие рассказы о событиях, произошедших в их регионе, и рассылали дальше². Почти одновременно в Англии возникли собственно «газеты», которые и название свое получили от «новостей» — *newspaper*. В этой стране, судя по всему, первой газетой были «*Weekly Newes*» (1622)³. На континенте этот вид печатной продукции появился несколько раньше — в 1605 году в имперском городе Страсбурге Иоганн Каролус издал «*Relation aller Fürnemmen und gedenckwürdigen Historien*» — как сегодня считают, первую печатную газету в мире⁴. В течение последующих нескольких десятилетий газеты появились практически во всех европейских землях, а в конце XVII века — в североамериканских колониях. Отметим также, что газетное дело активно развивалась и в Китае: государственные и придворные новости, начертанные на кусках шелка, распространялись чуть ли не со II века нашей эры, а в конце XVI века появились частные издания такого же содержания.

С самого начала в жанре «новостей» — в том виде, в котором он был представлен в «новостных листках», в *newspapers* (даже если они где-то называ-

2 Это очень похоже на то, как сегодня, в интернет-эпоху, многие медиа пытаются делать «народные новости» с помощью блогов, форумов и сверхновой Twitter'a.

3 Любопытно, что первая англоязычная газета появилась раньше, чем первая английская — англоязычной была основанная в 1620 году в Амстердаме «*Cottant out of Italy, Germany, etc.*». Заметим здесь еще одно европейское слово, обозначающее некогда «газету», — *courant, courant*. Здесь идея цикличности новостей, прямая связь между новостным изданием и циклическим временем, явлена наиболее очевидно.

4 Правда, почти за пятьдесят лет до этого власти Венеции издавали рукописную «*Notizie scritte*», содержавшую разнообразные политические, военные и экономические новости; ее продавали за одну «газетту» (местная денежная единица). Отсюда и название — «газета».

лись «газетами»), — были серьезные различия, обусловленные характером общества, которое производило и потребляло новости. В Англии, а также в тех частях континента, где была особенно сильна городская жизнь, коммунальные основы, где оказались стойкими традиции общинного самоуправления, «новости» касались разных сторон жизни, ньюсмейкерами были не только титулованные или облеченные властью персоны и — самое главное — не только и не столько государство. В Китае, во Франции, потом — в России государство (двор монарха или сам монарх) было главным ньюсмейкером, порой — редактором, а иногда даже и ньюсрайтером. Известно, что какие-то тексты для «La Gazette» писал лично Людовик XIII. Петр I сам отмечал в голландских газетах то, что нужно было переводить для «Ведомостей о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и иных окрестных странах», и даже лично держал корректуру. Позже эти различия, хотя и оставались, несколько размылись (по крайней мере, в течение XIX века), но уже в XX столетии два типа новостей окончательно сформировались в рамках двух господствовавших после Первой мировой войны систем — тоталитарно-авторитарной и (конечно, очень условно говоря) «демократической».

Однако XX век стал революционным в «истории новостей» не только из-за этого разделения. Радио и телевидение свели к минимуму временной зазор между событием и сообщением о нем. Звук и картинка обогатили информацию и дали возможность сильнее воздействовать на ее потребителя, создавая иллюзию непосредственного участия. В этом смысле «газетные новости» перестали быть, собственно, «новостями» — они неизбежно устаревают до того, как попадают даже в печать, не говоря уже о почтовом ящике читателя. «Бумажная пресса» к началу 1980-х годов, казалось, окончательно уступила новости телевидению и радио — не случайно именно в 1980 году Тед Тёрнер создал Си-эн-эн, первую в мире телевизионную сеть, заполненную последними известиями все 24 часа в сутки. Это нововведение удивительным образом вернуло западный мир в Средние века; в информационном смысле сутки обывателя теперь делились на 24 часа с выпуском новостей в начале каждого из них. Время снова свернулось в цикл, особенно если учесть главный принцип бытования новостей: они создаются только для того, чтобы как можно быстрее умереть. В мире новостей не может быть «прошлого» (оно допускается только в виде прилагаемых иногда *fastboxes*), нет Истории, там рассказывается множество «историй», которые умецаются в несколько минут. В СССР новостная программа «Время» тоже стала важнейшей вехой в сутках советского человека, но это была *одна веха*: сверхцентрализованная страна со сверхцентрализованной идеологией не могла себе позволить механически дробить сутки на равные отрезки. Программа ведь так и называлась — «Время», она не только отмеряла время, *она была «временем»*, насыщенным идеологическими смыслами, с которыми каждый зритель должен был сверять не только собственное время, но и свое место во Времени с большой буквы.

Последние двадцать лет почти полностью смели эту схему, точнее — эти две схемы. Прежде всего, не стало СССР и его идеологии, так что транслировать нынче просто нечего. Но здесь, пожалуй, технологическая революция так же важна, как и политическая. Интернет уничтожил информационное деление суток на 24 части (или даже на 48 — учитывая теле- и радиосводки «новостей» в половине каждого часа), сделал новости доступными в любую секунду, как только пользователю захочется кликнуть раз-

другой мышкой; наконец, он практически уничтожил зазор между событием и новостью о нем⁵. Мир новостей теперь не структурирован, он бесформен и находится на расстоянии одной нажатой кнопки от человека. Постояльцы отеля в Мумбае, на который напали террористы, рассказывали в прямом эфире о том, что происходит вокруг них. Те, кто заперся в своем номере, повествовали о теракте на только входившем тогда в моду Twitter'e. Но речь идет не только (и не столько) о новостях, которые принято считать «важными». Британский актер и писатель Стивен Фрай как-то застрял в лифте — и тут же сообщил об этом на Twitter. К рассказу он присовокупил фото, снятые смартфоном. Это сообщение вызвало сотни комментариев — на некоторые из них запертый Фрай сразу и ответил. Несмотря на ерундовость всего происшествия, оно было отмечено во многих газетах и на некоторых телеканалах, о нем писали блогеры. На лифтовом недоразумении Фрая Twitter нажил себе популярность, которую вряд ли бы обеспечила ему дорогая реклама, но дело не в этом. Эта история в очередной раз показала ненужность посредника между происшествием, известием о нем и потребителем информации. Получается, что для нынешнего мира новостей «новости» как жанр не нужны? А вот и нет. Мы по-прежнему живем в обществе, одной из культурных функций которого является производство и передача «новостей» с помощью некоего посредника, который называется «пресса» (бумажная, электронная — не важно). Точнее — мы живем *в обществах*, для которых, по разным причинам, эта функция все еще важна.

Прежде всего следует сказать о том, почему в рассуждении о «новостях» слово «общество» используется во множественном числе. Речь, конечно не о том, что в разных обществах по-разному трактуются (или даже искажаются) события. Сама идея «искажения информации», «неправильно расставленных акцентов» непродуктивна⁶. Ибо в каждой отдельной взятой новости событие *создается*; без нее события просто нет, а есть еще один из миллиардов феноменов, не имеющих так называемого «смысла». Только написанная новость придает феномену контекст, смысл и тем самым создает «событие». В Перу автобус с пассажирами падает в пропасть — это есть безусловный повод создать «событие» для жителей страны, быть может — для жителей Латинской Америки, иногда — для американского или европейского потребителя новостей. Перуанский ньюсрайтер создаст событие трагическое, европейский и американский, скорее всего, сочинит шестистрочную аллегорию отсталой страны с плохими дорогами, неисправными автобусами и сомнительными водителями. Но, скажете вы, автобус действительно упал! Конечно, только в тот же день наверняка перевернулся автобус в Новой Зеландии, взорвался трейлер в Нигерии, а в Финляндии дерево свалилось на бригаду лесорубов. О чем-то напишут, о чем-то — нет, что-то из этого станет событием, что-то нет; вне «мира новостей» все эти весьма прискорбные происшествия имеют отношение только к их участникам и ничего не значат для остальных.

5 Кстати говоря, тот же самый Интернет реабилитировал такой жанр, как «газетные новости». Почти все газеты сегодня имеют сайты, а на них — раздел «горячих новостей». Газетные сайты сегодня, как ни странно, гораздо ближе по своей концепции к «Weekly Newes» или суворинскому «Новому времени», чем сами газеты еще двадцать лет назад.

6 Я не имею в виду, конечно же, многочисленные случаи, когда факты перевираются из-за непрофессионализма или же по злой воле ньюсрайтера.

Получается, что задача новостей — создание мира с определенной иерархией, динамикой, телеологией, и, если угодно, эсхатологией. Насчет иерархии все понятно. Достаточно проанализировать сам отбор фактов и взглянуть на порядок новостей в выпуске (или на главной странице сайта) — и эта иерархия предстает во всем своем величии. Отбор, написание и трансляция новостей — не передача «искаженной» или «правдивой» информации, это — серийное воспроизводство назидательно-торжествующей парадигмы, демонстрирующей свои железные правила на старательно отсеянных примерах. Главная задача мира новостей — социально-педагогическая: напомнить о том, что важно, а что нет, и заставить зрителя, слушателя, читателя еще раз присягнуть на верность этим ценностям. Не важно каким — коммунистическим, либеральным, экологическим; главное, что мир новостей каждый час (полчаса, пятнадцать минут) структурирует бесформенное сознание потребителя. В этом смысле предшественник теле- и радионовостей — средневековый Часослов. Именно эту функцию и ставит под вопрос Интернет. Если новости не маршируют по территории суток железными отрядами, если обыватель может сам отбирать их из целого океана сообщений, если каждый может соорудить нечто вроде newscast — то социальная и политическая новостная педагогика невозможна. За приватизацией времени в Новое время следует приватизация новостей в нынешнюю эпоху. Для авторитарных и полуавторитарных режимов это гораздо страшнее, чем закрытая информация, которая может распространяться в обществе. В конце концов, в советские времена желающие слушали Радио «Свобода» и «Голос Америки», но там новостной мир был столь же иерархизирован, как и в программе «Время». В этом — вся логика «холодной войны», которую закончили не Горбачев с Рейганом, а развитие технологий. Чем больше сетевой информационный улов жителя Китая, Ирана или России (не говоря о совсем уж тоталитарных режимах, где сам по себе выход в Интернет является дерзким поступком), тем менее эффективна теле- и радиопропаганда. Во многих полузакрытых обществах провайдеров заставляют закрывать доступ к разным ресурсам; эти щиты нужны не для того, чтобы отсечь от своих подданных крамольные известия или непристойные шуточки на Youtube, нет, это просто попытка сделать непрозрачным условный забор (это жалкое подобие «железного занавеса»), отделяющий мир структурированных «последних известий» от океана неиерархизированных новостей.

Поэтому еще раз подчеркну — сегодня не столь важно, «о чем» новости, важно — «как» и «откуда». Сравнение разных типов обществ здесь стоит проводить не по таким показателям, как «наличие международных новостей» или «соотношение политических и социально значимых тем». Как раз здесь могут быть удивительные совпадения. В Соединенных Штатах, как известно, информационный интерес к окружающему миру мал (не беру в расчет Си-эн-эн). В России, глядя только в телевизор, можно просто усомниться в существовании земного шара, за исключением разве что некоторых стран — политических супостатов нынешнего режима. Итальянские новости чаще всего вообще не вспоминают о существовании Дальнего Востока и Тихого океана — если там, конечно, не случится цунами. Можно месяцами смотреть немецкие каналы и не встретить упоминания об Австралии (не говоря уже о Новой Зеландии) — капитан Кук старался зря.

Изоляционизм и обскурантизм характерны для всех обществ — как бы их ни называли, «закрытыми» или «открытыми». Важно, какие выводы из своего изоляционизма делают сами эти общества и государства. На Западе но-

вести о дальних и мало кому интересных странах есть инструмент глобализации и знак того, что европейский «просвещенческий проект» продолжает действовать. Типичный пример такого подхода — в статье известного британского публициста и журналиста Тимоти Гартона Эша, напечатанной в газете «Гардиан» (16 апреля 2009 года). Эш пишет: «В замечательном эссе в “New Republic” принстонский ученый Пол Старр приводит доводы в пользу того, что “новости” есть общественное благо. Доступность новостей помогает людям держать правительство под контролем. Как чистый воздух и хорошие дороги, новости приносят пользу не только тем, кто за них платит. Я распространю это рассуждение и на международную политику. В сегодняшнем взаимосвязанном мире значительно более важно, нежели раньше, чтобы страны понимали друг друга. Это понимание основывается на знании фактов социальной жизни и частных человеческих историй, которые и есть хлеб международных репортажей. Если у нас маловато этого глобального общественного блага — в то самое время, когда нам нужно его все больше и больше, — результат может оказаться не только гнетущим, но и просто опасным»⁷. Итак, новости нужны западному человеку не просто для того, чтобы знать, где и что происходит, и не только для того, чтобы вести бизнес, политику — или хотя бы планировать туристические поездки. Новости — такая же принадлежность цивилизованного мира, как хорошие дороги и забота об охране окружающей среды. Наконец, новости, международные новости — идеологический универсалистский инструмент, помогающий поддерживать антропологическую солидарность жителей западных стран с обитателями другого, «закрытого», «полузакрытого» мира.

Ключевое слово здесь — «понимание»; остается только спросить Тимоти Гартона Эша, какова платформа, основа этого понимания? Без сомнения, она секулярна и гуманистична; представление об универсальности этой платформы и должны поддерживать многочисленные репортажи о жизни простых китайских, иранских, российских людей. Эш признает, что идеология эта находится в большой опасности — ей угрожает, в частности, ее же собственное дитя, рыночная экономика — «...все меньше международных новостей в газетах и на домашних телевизионных каналах, которые смотрит и читает большинство людей. Причина этого в основном экономическая. Собираание международных новостей — затратная вещь. Рекламодателей все меньше, оттого закрываются дорогие зарубежные бюро. Это плохая новость для мира новостей — но и для международных отношений тоже».

Если для западных медиа международные новости — способ еще раз напомнить потребителю информации о единстве мира (вне зависимости от того, какие режимы правят в разных уголках земного шара), то для «полузакрытых» и «закрытых» обществ важно не сходство, а отличие. Самый ничтожный репортаж о проблемах с мусором в Неаполе или снегопаде в Татрах превращается в назидательную новеллу о том, как там на самом деле скверно обстоят дела. Для какого-нибудь Первого канала или НТВ окружающий мир является отличным фоном для демонстрации собственного превосходства — а если таковое не получается, то хотя бы для подчеркивания собственной самодостаточности. Взгляд западного журналиста за пределы своей страны чаще всего доброжелателен (если оставить в стороне политические вопросы), даже искусственно, насильственно, идеологич-

7 <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/apr/16/china-foreign-correspondents>.

но доброжелателен. А, к примеру, российская «новость с Запада» есть упреждение в скрытом недоброжелательстве, которое на самом деле только подчеркивает уязвимость пишущего или говорящего.

Сочиняя этот текст, я провел небольшой эксперимент. В этот самый момент, когда я пишу эти строки (28 апреля 2009 года, 00.15 минут московского времени), я внимательно просмотрел сайты нескольких общероссийских телеканалов. Первый канал: в ленте новостей — двадцать четыре сообщения. Из них к окружающему Россию миру имеют отношение девять, что не так уж мало. Однако шесть из них являются типично псевдоностями, обычный дипломатический протокол или «известия с ударных строк социализма»: министр иностранных дел Китая прибыл в Россию, в том же Китае начали строить ответвление нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» и проч. Все нейтральное и позитивное отдано, как мы видим, «дружественному Китаю». Оставшиеся три международных новости посвящены «свиному гриппу» и борьбе с его распространением в Европе, а также пагубному влиянию известий о возможной эпидемии на мировые биржи. На сайте НТВ в это же время суток свиного гриппа почти нет, зато можно прочесть о том, что «Австралию засыпало снегом», «Бавария» обезглавлена, а «Пакистан “хоронит” Бен Ладена».

Однако в некотором смысле, как ни странно, замшелый провинциальный новостной мир нынешней России более соответствует сегодняшним тенденциям, нежели воспетая Тимоти Гартоном Эшем универсалистская информационная утопия. Информационный изоляционизм, сепаратизм, регионализм неизбежны. «Мир новостей» — в том виде, в котором он окончательно сложился в XX веке, — обречен. Он, будучи порождением определенного исторического типа общественного сознания, исчезает вместе с этим сознанием. Важнейшим условием существования «мира новостей» является представление о более или менее «едином мире», исповедующем более или менее универсальные ценности. «Мир новостей» видит себя неким отражением, «информационной картиной» этого «единого мира», и в то же время именно «единый мир» есть адресат «мира новостей». Но западные просвещенческие универсалистские концепции уже потеряли претензии на всеобщность и превратились в один из сугубо частных языков. Только глобальные СМИ⁸, прежде всего — международные новости, еще претендуют на то, чтобы «держат вместе» мир. Не получается. Мы видим, как трещат по швам выпуски новостей, повествующие обо всем на свете: от Ирака до вручения «Оскара». Ни пикейный жилет, ни кинофил не найдет в них того, чего бы хотел. В ближайшем будущем, скорее всего, каждый будет вкушать свои, специальные новости. «Мир новостей», претендующий на всеобщность, распадается на все большее количество миров, а те — в свою очередь — на совсем уже узкие мирки, и так до бесконечности. Ослабление власти «информационных часов», иерархической новостной структуры, происходящее на наших глазах сейчас, завершится довольно быстро. Зачем нужны «серьезные новости», которые пользуются роликами с YouTube и MySpace, когда на этих сайтах можно наловить свежатапки безо всяких посредников? Приватизация «мира новостей», подрывающая основы любой государственной пропаганды, уничтожает и главного врага этой самой пропаганды — «свободную информацию» западных демократий.

Кто же тогда напомнит мне, что в Перу падают автобусы? Наверное, приятель-испанец, из любопытства посещающий местные перуанские сайты.

8 Би-би-си, Си-эн-эн, Аль-Джазира — прежде всего.